

ДЕТЕКТИВ ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

Евгения
Ветрова

ЗОНА
ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Детектив высокого полета

Евгения Ветрова

Зона турбулентности

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ветрова Е.

Зона турбулентности / Е. Ветрова — «Эксмо», 2024 — (Детектив
высокого полета)

ISBN 978-5-04-199678-9

«Зона турбулентности» – это увлекательный детектив, в центре которого находится храбрая стюардесса Жанна. Ей предстоит столкнуться со многими трудностями, чтобы отыскать убийцу и спасти свою любовь. Сможет ли Жанна посмотреть своим страхам в лицо и победить их?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199678-9

© Ветрова Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгения Ветрова

Зона турбулентности

© Ветрова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Белые конверты аккуратными рядами на столе, рядом стопка желтоватой бумаги.

Легкими касаниями карандаша родился рисунок: схематично нарисованный самолетик среди облаков. Карандаш завис над листом, а потом жирно крест-накрест перечеркнул нарисованное. Еще и еще раз. До тех пор, пока тонкая бумага не пошла рваными лоскутами. На стол лег новый лист. Чистый, вкусно пахнущий целлюлозой. Грифельный кончик коснулся поверхности. Плавная линия, еще одна, еще. Самолетик летел. Карандаш чиркнул быстро и резко, раз, другой. Теперь из борта самолета вырывался пучок линий, окутанный облаком. Рука с коротко обрезанными аккуратными ногтями бережно провела по рисунку, смахивая грифельные крошки.

– Ф-ф-ф! – ветерок из вытянутых трубочкой губ художника довершил очистку.

Листок сложился пополам и еще раз пополам. Свернутый в четыре раза рисунок спрятался в белом конверте. Рука крепко сжала его и потрясла в воздухе, положила на стол и потом резко, кулаком, припечатала к столу.

* * *

Когда события твоей жизни несутся бешеным галопом, не пытайся спрыгнуть на ходу: вряд ли получится остаться невредимым. Лучше подождать, пока все не уляжется. Ведь все пройдет, как говорил один мудрый иудейский царь. Примерно так Жанна говорила себе уже несколько недель подряд.

Она заправила за ухо выбившуюся прядь. Можно придумывать утешительные афоризмы с утра до вечера, но легче от этого не станет. Дело было не в том, что она завертелась белой в колесе, а в том, что в душе поселилось беспокойство. Оно-то и не давало просто жить. Как раньше. Хотя и раньше было не идеально, но все же.

В глубине души она, конечно, знала причину. И эта причина сейчас сидела напротив и с безразличным видом размешивала сахар в чашке. Три ложки с горкой на порцию крепкого и черного, как гуталин, кофе. Даже представить страшно, не то что пить. А Камаев пил. И ничего.

– То есть «Фоксавиа» предложила тебе КВС¹?

Ильяс Камаев невозмутимо поднес чашечку к носу, понюхал, остался доволен и сделал глоток. Он и сам до сих пор не осознал это событие. Еще недавно ему казалось, что левое кресло² так и останется для него полузабытым воспоминанием. Но Жанна смотрела, и ответ ей требовался.

– Сам не ожидал. Ты же знаешь, мне кислород давно перекрыли.

Жанна прикусила губу, он уже знал эту ее привычку. Вообще, он до удивления быстро выучил все мимические особенности ее лица и теперь с легкостью мог предсказать ее реакцию на те или иные события. И это его не разочаровало. Наоборот. Он устал от капризов и истерик. С Жанной, казалось, таких сюрпризов не будет. Хотя, кроме мимики, ничего другого он пока так и не изучил. И даже не знал, хорошо это или плохо.

– Вот гадство! – воскликнула она. – Пряма завидки берут! Эх, – и она так горько вздохнула, что Камаеву и правда стало как-то неловко, что вот ему предложили, а Жанне нет. – Ладно, – усмехнулась она, – не ерзай. От тебя тут ничего не зависит. Но... есть надежда. Может, там, –

---

¹ КВС – командир воздушного судна.

² Командир воздушного судна сидит в кабине в левом кресле.

она вскинула синие глаза к потолку, – начали забывать наши прегрешения? Все же мы немало пользы принесли этому миру.

Камаев тут же улыбнулся, слегка, одними уголками губ. Конечно, предложение не самой большой, но приличной авиакомпании было неожиданным. Он еще помнил, как Клещевников (или Клещ, как неласково называли его между собой подчиненные) брызгал слюной, обещая Камаеву место чуть ниже плинтуса. После суматошного рейса в Самару, о котором до сих пор напоминала ноющая боль в плече, прошло три месяца. Он успел поваляться на больничном и пройти реабилитацию после ранения, и вот тут-то и настигло его такое заманчивое предложение. Камаев уже был КВС ранее, поэтому ввод обещали ускоренный. Сначала с инструктором положенные налеты, потом два проверочных рейса, и все. Все. Он за штурвалом аэробуса или боинга. И это было прекрасно!

– А ВЛЭК³ что?

Камаев невольно потянулся к плечу и тут же махнул рукой – ерунда.

– Я старый солдат и не знаю слов любви, – прохрипела Жанна и скорчила соответствующую гримасу.

Против воли он рассмеялся. Она его веселила. Эта худощавая, почти тощая, синеглазая стюардесса. Сейчас, когда у них в багаже были не только рискованные приключения во время рейса в Самару и после него, но и несколько весьма неплохих поцелуев, можно было признать, что отношения перешли в стадию дружескую, со взаимными подколками и ерничаньем. Это нравилось ему больше, чем тягостное чувство неопределенности. Он подозревал, что нравится Жанне, и признавал, что она ему тоже не безразлична. Но... дальше его фантазия буксовала. И что они должны делать? Тупо переспать или... Первый вариант его бы устроил. С кем-нибудь другим. Не с ней. Второй... что? Отношения с прицелом на будущее? Да ладно! Нет, он не готов.

– Але! – Жанна пощелкала пальцами. – Уж не обо мне ли замечтался?

– Конечно, – кивнул он с готовностью. – Представил касалетку⁴ с курицей в твоих нежных ручках.

– Фи!

Жанна поднялась.

– Мне еще в одно место сгонять надо. До рейса успею.

Вечерний рейс в Архангельск до недавнего времени считался легкой прогулкой, но сейчас аэропорт «Талаги» закрылся на реконструкцию ВПП⁵, и самолеты принимали в Васьково, а там имелись свои сложности и малая проходимость. Многие авиакомпании из-за этого отказывались летать в Архангельск. Так что самолеты «Скайтранса» в конце августа набивались пассажирами под завязку – люди возвращались из отпусков и к началу учебного сезона.

– Подожди, – Камаев протянул руку, ухватил ее за край рубашки, и она тут же послушно села на место. Что ни говори, а он имел на нее какое-то магическое воздействие. Ордынец, одним словом. – Короче, мне тут по секрету шепнули, что слухи вовсе не слухи. Нас реально купят.

– И это не «Фоксавиа»? – брови Жанны сошлись к переносице. Новость заставила вспомнить все застарелые страхи.

– Как ты понимаешь, это секрет секретов. Малинин живьем съест за разглашение.

Жанна закатила глаза. Малинин, глава службы безопасности компании, выпил тонну крови у них с Камаевым во время недавних приключений в Самаре. И после них. Когда после возвращения домой несколько раз проводил с ними воспитательные беседы. Как совместные,

---

³ ВЛЭК – врачебно-летная экспертная комиссия.

⁴ Касалетка – контейнер, в котором пассажиру подают порцию горячей еды на борту самолета.

⁵ ВПП – взлетно-посадочная полоса.

так и поодиночке. Целью этих «профилактических» бесед было не дать расползтись слухам. События, в которых Жанна с Ильясом принимали самое непосредственное участие, лишили компанию нескольких начальственных голов и, скорей всего, подвинули дело о продаже, или, как обтекаемо называл это Малинин, слиянии, «Скайтранса» с более крупной компанией.

– Вот почему ты согласился, – понимающе кивнула Жанна.

Да, слияние, скорей всего, подразумевает сокращение штата, и уж Камаев со своим «послужным списком» первый в очереди на вылет, так же как и она.

– Поэтому и тебе советую, если будут предлагать что-то, соглашайся. Не думай.

– Ты же знаешь – мне не предложат, – Жанна сказала это нарочито бодро. Камаев смотрел серьезно и с сомнением. – Да что ты так уставился? Это ты просто там с кем-то не тем трахнулся, а я пассажиру нанесла увечья средней тяжести, как записано в уголовном деле.

– Дело закрыто, – напомнил он. Его всегда раздражала эта ее заикленность на неудачах.

– В суде да. А в моем личном деле этот инцидент перевесит все мои заслуги, налеты часов и высокие баллы по знанию английского. Как ты не понимаешь? Меня и в «Скайтранс» взяли по очень и очень большому благу. И то...

– А сейчас этот благу тебе не поможет?

Жанна помотала головой. Тот начальник, который тогда с пониманием отнесся к ее ситуации, хоть и вынужден был уволить, но потом дал персональную рекомендацию в «Скайтранс», лично звонил и очень вежливо и настойчиво попросил принять ее в штат, в прошлом году вышел на пенсию. Тревожить его Жанна бы не хотела, да и не видела смысла. Еще в Самаре, когда угроза увольнения стала весьма ощутимой, она решила, что не будет унижаться и умолять. Нет так нет.

Ильяс, видимо, очень хорошо прочитал ее эмоции, потому что коснулся руки, но тут же убрал.

– Ты так просто сдашься?

Она пожалала плечами. Наверное, она просто устала. Устала доказывать себе и другим, что достойна, что заслужила, что может и хочет. Стрелки наручных часов торопили, она снова встала и сделала рукой прощальный жест.

– Поеду. А ты можешь и дальше мечтать о кителе с четырьмя полосками на рукаве⁶.

Уже сказав это, она пожалела. Будто она и правда завидует. Ильяс как-то так сжал губы, что она поняла: обиделся. Не смертельно, но все же. Тяжело с ним. Его чувство юмора пока не поддавалось ее пониманию. На что-то он реагировал адекватно, на что-то мог взбрыкнуть. За те месяцы, что между ними установились эти странные непонятные отношения то ли дружбы, то ли начинающегося романа, они три раза смертельно ссорились. С криками, взаимными упреками и даже швырянием вещей друг в друга. Темперамента им обоим было не занимать. Как правило, она отходила первой и предлагала мир. Один раз первым нарушил молчание Ильяс и даже извинился. У нее тогда случился культурный шок. Ордынец признал, что был неправ. Чудны дела твои, мироздание.

Она действительно уже запаздывала, потому выбросила из головы мысли об Ильясе, хоть это было и трудно. Сеанс у психотерапевта должен был стать последним. Так они решили в предыдущую встречу. Илона Юрьевна согласилась, что надо сделать перерыв. Сеансы их были не так уж и часты, но все равно Илона Юрьевна была единственным человеком, который мог выслушать ее страхи, не ахая при этом: «Как? Ты боишься летать? С твоей профессией?»

Да, она боялась. Это было нечто иррациональное. Во время взлета и посадки у нее внутри начинался небольшой такой апокалипсис. Причем она не боялась смерти, не боялась аварии, но физиологические проявления были настолько мучительны, что хотелось немного сдохнуть, или много. Со временем стало легче, может, и сеансы у психотерапевта помогли, а может,

---

⁶ Четыре полоски на форме у КВС.

время действительно лечит. А может, это Танюша с небес присматривала за ней. Ну и суслик, конечно. Куда же нам без суслика. «Темной-претемной ночью шел суслик по лесу и ничего не боялся», – пробормотала она почти неслышно, паркуя машину во дворе дома психотерапевта на улице Козлова.

Телефон тренькнул. Звонила Наталья Божко, тоже стюардесса и, наверное, все же подруга.

– Приветик. Ты же в Архангельск сегодня? – Жанна угукнула, посматривая на часы, она опаздывала уже на пять минут. – Заберешь для меня посылочку? Привезет в аэропорт дядька мой. Ты же знаешь, я ж девчоночка-то онежская, – последнюю фразу Наталья произнесла с характерным северным оканьем.

Жанна хихикнула.

– Хорошо. Слушай, мне идти надо...

– Подожди. У меня инфа на мультон тугриков. Нас покупают. Антон сказал, а ему папенька. А он у Антона как-никак зам диспетчерской службы.

– Наслышана уже.

– А знаешь, кто покупает? «Глоубвинд».

– Кто?! – далее она добавила совсем уже неприличное слово.

– Да я сама матерюсь с утра. Как узнала. Нет чтобы «Лисички» нас купили или «Крылышки». Пусть там зарплата поменьше, чем у «Глоуба», зато отношение человеческое.

Жанна молча согласилась с подругой. Про невероятные тестирования при приеме в эту компанию ходили всякие легенды.

– Почему же Камаев тогда к «Лисичкам» уходит? С его-то опытом «Глоуб» примет со всей душой.

– Ой, Румянцева! Какая ты все же эгоцентричная! Как можно ничего не знать про любимого человека? Ты же помнишь его историю с женой Клещевникова? А кто у нас в «Глоубе» всем заправляет? Во-о-от! Вряд ли Клещ Ильясику порчу имущества в виде жены быстро забудет.

Жанна скривилась. Точно! Вот же с кем у Камаева был тот самый неудачный роман, из-за которого его чуть вообще не вытурили из линейной авиации. Понятно.

Пока Жанна болтала с Натальей, она и не заметила, как возле подъезда началась суета. Мигая проблесковыми маячками, застыл полицейский «уазик». Жанна вошла в подъезд и пошла по лестнице. Лифты она не любила, да и лишняя нагрузка не помешает. На спортзал не всегда хватало времени. И сил. Сверху слышались голоса. Довольно громкие, мужские. До нужной ей квартиры оставался один пролет, но сердце ухнуло, уши заложило, как при взлете, реальность размылась, звук собственных шагов стал доноситься с секундной задержкой. Нет, не сейчас. Опять приступ? Вот с этим явлением они так и не разобрались. Как Жанна ни пыталась объяснить это состояние, психотерапевт так до конца и не поняла сути. Не помогло обследование КТ и томография. Приборы зафиксировали только, что все с ее мозгами в абсолютном порядке. И с давлением, и с сосудами. Хоть в космос отправляй. А приступы были. Вреда здоровью они не приносили, кроме того что не очень-то нравится ощущать себя немного не здесь и не сейчас.

Опытным путем Жанна выяснила, что это, как правило, предвестник чего-то. Не очень хорошего. Психотерапевт выслушала ее теорию и предположила, что так может срабатывать та самая интуиция. Не можешь победить – используй.

Дверь в квартиру была приоткрыта, на площадке толпились люди в форме.

– Что случилось?

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответил полицейский. Звездочки на погонах указывали на капитанский статус. – Проживаете в этой квартире?

– Нет, я... – Жанна осеклась. Признаться, что лечится от аэрофобии, с риском, что это дойдет до работы? Пожалуй, она этого не хочет.

– Жильцов квартиры знаете?

Ей пришлось сделать усилие, чтобы помотать головой.

– Я не с этого дома, я к знакомым приехала, – сказав это, Жанна испытала мгновенный ужас. А если они спросят, к кому она пришла?

– Проходите, гражданка, проходите, – капитан сделал отмашку рукой.

Жанна быстро пробежала мимо и пошла по лестнице дальше, радуясь, что, если бы она приехала на лифте и вышла прямо на этаже, соврать так легко бы не вышло. Она поднялась на следующую площадку и замерла, прислонившись к стене так, чтобы ее не было видно снизу. Что именно произошло в квартире, неизвестно, но если бы она не опоздала, то пришла бы раньше полиции, зашла бы в квартиру и... тут бы и нагрянула полиция. В любом случае на рейс бы она не попала. Лифт загудел и вскоре открылся на этом же этаже. Из него вышли две женщины.

– Да совсем уже, – сказала одна из них, видимо, продолжая начатый разговор, – середь бела дня! Завтра на улице резать начнут.

– Ой, – испугано ойкнула вторая, – что, прямо так и зарезали?

– А я знаю? – огрызнулась первая. – Но полиция просто так не приедет. Кто-то вызвал же. Толку с этих домофонов, все равно так и шастает кто попало. – Она зыркнула на Жанну, и та поспешно нажала кнопку лифта.

Уже входя в лифт, который не успел еще уехать, Жанна услышала:

– Там Лидку с мужем из пятьдесят третьей понятыми взяли, надо будет спросить у них, что да как.

– Ой, страсти!

Двери лифта сомкнулись, отсекая голоса. Жанна вышла на улицу и медленно двинулась к машине. Надо было уезжать, но как было уехать, не узнав, что именно случилось с Илоной Юрьевной? Тетки упомянули, что некая Лидка из пятьдесят третьей квартиры была понятой. У Илоны Юрьевны квартира пятьдесят пятая. Жанна присела на лавочку и остро пожалела, что нет сигарет. Вот сейчас ей бы не помешало забить голову никотиновыми парами. Она снова подумала, что могла прийти на пять минут раньше и... столкнуться с убийцей? Или просто попасть в свидетели, а то и в подозреваемые. Почему на нее вечно сыплются такие сюрпризы? Тут она кое-что вспомнила и принялась шарить в сумочке. Ура! В косметичке нашлась одна сигарета, в пустом футляре от пудры. Этот способ тоже в свое время придумала Таня. Бросать курить они тогда начали вместе и пробовали разные методы, в том числе и такой – носить одну сигарету с собой на всякий экстренный случай. Потому что все срывы как раз и случаются, если от нервяка приходится покупать целую пачку.

Зажигалка впустую чиркала колесиком, испуская искры, но не давая синего язычка пламени. У подъезда кучковалась стайка людей: судя по жестикуляции, народ обсуждал случившееся.

Жанна высмотрела среди них тетку с крупным лицом и пышной шевелюрой. Тетка размахивала рукой с зажатой сигаретой и говорила с напором троллейбусного кондуктора:

– Я ж видела, видела! Она давно такая ходила. Я ей «здрости», а она лишь кивнет – и шмыг!

– Так что, прям так и зарезалась? Ой, батюшки! – причитала ее товарка, чуть постарше, в домашних шлепках на босу ногу.

Жанна натянула улыбку и подошла ближе.

– Зажигалки не найдется?

Тетка уставилась на нее глазом в черной подводке, сунула руку в карман и протянула массивную зажигалку. Оценив агрегат под стать хозяйке, Жанна прикурила, дым заполнил рот, проник в горло, подарив иллюзию спокойствия.

– А что случилось-то? – кивнула она на машину с мигалкой. – Часто полиция приезжает? Я тут квартиру присматриваю, не хотелось бы попасть в какой-то хулиганский район.

– Ой! – тетка отмахнулась от ее слов. – Да у нас двор вообще тихий, даже алкашей таких особо шумных нет. Это соседка у нас самоубилась.

– Что?! – дым царапнул горло, Жанна поперхнулась.

– Да вот! Такая женщина была, вполне себе. И вот надо же! Вены себе чиканула. Кровищи... Хорошо, меня не взяли понятой. Я б сразу померла. Меня от крови мутит жуть как. Лида, соседка ейная, идет домой, а дверь-то Илонкина открыта. Она туда покричала-покричала да ко мне, пойдём, мол, вместе, одной боязно. Ну. Я и пошла. А там...

Тетка положила руку на обширную грудь и сделала богатырский вдох. Жанна отбросила доплевшую до фильтра сигарету и машинально потянулась к пачке в руке тетки. Та молча позволила ей вытащить сигарету.

– Так, может, ее убили?

Тетка замотала головой, шумно выпустила воздух, обдав всех ароматами жареного лука и маринованного огурца.

– Записку-то мы прочли. Там в кровище все было. Мне сразу захорошело. Я чуть там рядом с Илоночкой-то и не свалилась. Ладно Лидка у нас непробиваемая: с ее-то мужем и не такого навидалась. Она меня к стеночке прислонила и воды принесла. Я воду-то пью, а сама смотрю на пол. А на полу, аккурат возле руки покойницы, бумажка лежит. А на ней...

Жанна слышала тетку и не слышала. Илона Юрьевна покончила с собой? Только не она. Более рассудительного человека ей в жизни не встречалось. Да она Жанну вытащила из такой депрессии, что и не передать. Когда после гибели Тани и увольнения из авиации она полгода провела в каком-то забытии, темном и вязком, как расплавленный летним солнцем гудрон. Это же Илона внушила ей, что не все потеряно, что можно и нужно идти дальше, идти и ничего не бояться. Как суслик.

– Так что там написано-то было? – напомнила тетке соседка в шлепках.

– Да точно не помню, но ясно было, что свет бедняжке стал не мил.

– Совсем не помните? Может, что-то вроде – ухожу, прощайте? – Жанна очень хотела узнать хоть что-нибудь, что развеет или, наоборот, укрепит ее сомнения.

– М-м-м... Точно! Простите! Там было написано «простите».

– И все?

– Ну да. А... и самолетик.

Жанна схватила тетку за руку так резко, что та выронила из пальцев сигарету.

– Сдурела?

– Извините, извините... – пробормотала Жанна и зачем-то ринулась подбирать окурочек.

– Да брось ты его! – в сердцах прикрикнула тетка.

– Самолетик? – Жанна выпрямилась и застыла перед ней, сложив перед грудью руки не хуже суслика перед норкой. Тетка уставилась на нее круглыми глазами. – Вы сказали, там самолетик был. На бумажке. Какой самолетик?

– Да какой? Такой. Обычный. У меня племяш такие рисует. Малой еще, семь лет, а тоже вон художник, – тетка захихикала.

В это время возле подъезда началось движение. Из подъезда вынесли носилки. Длинный куль в черном пакете заставил Жанну отступить, спрятаться за любопытствующих соседей. Если бы она пришла вовремя... или раньше, или... Чувство вины, как и тогда с Таней, кислотой полоснуло пищевод. Почему она вечно опаздывает? Если бы тогда к пассажиру-паникеру

кинулась она, а не Таня, может, все было бы по-другому. Все было бы хорошо. Или нет. История не знает сослагательного наклонения. Жизнь его тоже не знает.

Сейчас бы вместо Жанны на этом свете мучилась Таня. Может, Илона так хорошо понимала ее душевный раздрой, потому что сама была опалена этой жизнью, потому и не выдержала, исполосовав тонкие запястья? Нет! Жанна помотала головой. Самолетик! Са-мо-ле-тик! Илона не покончила с собой. Ее убили. Убил тот, кто уже год мучает Жанну, подбрасывая ей рисунки с падающим самолетом.

Глава 2

Всю дорогу до аэропорта Жанну грызла совесть. Надо было подойти к полицейскому, сказать, что это не самоубийство. Что она знает... А что, собственно, она знает? Что? Кто-то подбрасывает ей рисунки самолетиков, и на этом основании она решила, что этот псих убил ее психотерапевта? Стоп! Псих убил психотерапевта. Смешно. Было бы, если бы не было так грустно. Зачем этому психу убивать Илону? Тем более что они уже договорились, что пока не будут продолжать сеансы. Какой смысл? И есть ли смысл в действиях психа? Опять же, с чего она решила, что ее преследует псих? А кто? Кому в здравом уме понадобилось терзать ее этими рисунками?

Раньше Жанна грешила на Диму. Бывший парень долго не мог смириться с разрывом их отношений. Но чартер с хоккеистами и дальнейшее пребывание в Самаре вроде исключили Диму из числа подозреваемых. А вдруг она ошиблась и это все же Дима? Значит, Илону убил тоже он? Узнал, что сеансы Жанне больше не нужны, то есть она избавилась от аэрофобии, и решил ее снова напугать или впутать в разборки с полицией? Ведь только чудом Жанна приехала после полиции, а не до.

От всех этих путаных мыслей она чуть не пропустила поворот к аэропорту. «Так, соберись! – приказала она себе. – Тебе еще работать сегодня».

Но голова не хотела включаться, настолько, что она даже поцапалась с Натальей.

– Что ты как свекла маринованная? – шипела Наталья. – Коробки с соком путаешь. Что с тобой? Ильясик ночью плохо ублажил?

– За собой последи! – огрызнулась Жанна. – Тебя два мужика ублажить не могут, раз ты такая дерганая стала?

Наталья обиженно поджала губы, и больше они не разговаривали. Хорошо, пассажиры архангельского рейса, как правило, неприхотливы. На вишневый сок вместо апельсинового не ругаются, кнопку вызова не терзают каждую минуту, глупых вопросов не задают.

Рейс короткий, такой же короткий отдых перед подготовкой воздушного судна к обратной дороге, и снова взлет, зеленые и коричневые квадраты земли под крылом, посадка. Все это время Жанна прислушивалась к себе: накроет ли волной неконтролируемой паники, собьет дыхание, свяжет внутренности тугим узлом страха? Страх накрывал, но терпимо.

Лишь проводив последнего пассажира, она смогла вздохнуть с некоторым облегчением: обошлось. И тут же пришли сомнения. Сегодня она, может, продержалась на старом запале. А потом? Жанна решила прервать сеансы, зная, что Илона Юрьевна быстро поможет, если страхи вернуться. Теперь же ее нет. Нет! Паника накатывала и отступала, накатывала и отступала. За ней пришла тошнота.

Наталья смотрела на нее со все возрастающей тревогой.

– Так, ну-ка садись, – велела она, когда они, закончив послеполетный осмотр, подписав все документы, пришли в раздевалку. – Выкладывай.

Жанна помотала головой и опустила ее низко, между коленями, так же как это делают пассажиры во время аварийной посадки. Наталья быстро налила ей воды, знаками отогнала любопытных стюардесс из других экипажей. Села рядом, подождала, когда Жанна выпьет, и отобрала у нее стакан.

– Ты, часом, не беременна? У тебя лицо даже не белое – зеленое.

Жанна шумно выдохнула, подышала, как учила Илона. (Снова вздрогнула от воспоминаний.) Вот бы удивилась Наталья, если б узнала, что у них с Ильясом так ничего и не было. Поцелуи не в счет. Зато какие поцелуи! Губы против воли растянулись в улыбке, что тут же было истолковано Натальей в нужную ей сторону.

– Ай да легчик, ай да сукин сын! Приземлился-таки на запасной аэродром!

Жанна посмотрела на нее и промолчала. Объяснять что-то сил не осталось. Домой бы добраться. Паника отпустила. Вопросы остались. А поделиться не с кем. Как так получилось, что у нее нет ни одного близкого человека? После Тани она так ни с кем и не сошлась. С Натальей они дружили, но исключительно на работе. Общение вне рейсов не сложилось, Наталья в гости особо не звала, навязываться Жанна не умела, да и не хотела. Других приятных ей людей кругом не наблюдалось. С недавнего времени в ее жизни появился Ильяс, но и тут возникли свои сложности. При каждой встрече они словно приглядывались друг к другу, прощупывали границы, иногда просто наобум, иногда сознательно. Она ему нравилась. Это она знала точно. Он сам сказал. Ну как сам – она спросила.

– Я вам нравлюсь, второй пилот Камаев? Или вы так – запасной аэродром присматриваете?

Ильяс тогда вспыхнул. Жанна знала, что под запасным аэродромом пилоты подразумевают любовниц. Жены у Камаева нет, но есть же подруга? Должна быть. Не может быть, чтобы такой экземпляр сох в одиночестве. Именно это она ему и заявила, когда выложила свои мысли насчет его холостяцкого статуса.

– Так, чтоб ты ничего себе не придумывала, отвечу, но больше таких глупостей не спрашивай, – заявил он, когда кровь отхлынула с его смуглых щек. – Дамы сердца у меня нет. Пока нет. Вкусы у меня консервативные, я атеист, но моя семья нет. Это я тоже должен учитывать. К тебе я присматриваюсь, но вряд ли ты подойдешь. Твои моральные устои меня тревожат.

От такой прямоты краснеть пришлось уже ей. В этот момент она его возненавидела. Она что, повод давала считать себя развратной женщиной?

– Ты!.. – она зашипела не хуже кошки, которой наступили на хвост. – Да чтоб у тебя закрылки отвалились! Тоже мне нашелся поборник нравственности! На себя посмотри! Я с начальниками хотя бы не сплю, и с их женами тоже!

Он захохотал так, что даже голову запрокинул, так ему было весело.

– Вот бы я удивился! Если бы ты с женами...

Вся злость ее тут же прошла. Она ткнула его кулаком в бок.

– Дурак ты, Камаев, и шутки у тебя дурацкие.

– Знаю, – уже совсем серьезно кивнул он. – У меня нет чувства юмора. Так что подумай, твой ли это рейс.

– Знаю, чего ты такой наглый, – буркнула она. – Считаешь себя неотразимым, пассажирки от семи до семидесяти от тебя млеют, вот и зазнался. Но не думай, что я тоже...

Тут он ее поцеловал, слова как-то сами иссякли, как и мысли, и время, и пространство.

Вот на воспоминание об этом поцелуе, одном из тех, которые она бережно хранила в укромном уголке памяти, и среагировала приметливая Наталья.

– Жан, ты меня тревожишь. Точно не в залете? Проверься, слышь. Такие перепады настроения... То слезы, то смех... помереть можно.

Наталья скорчила гримасу, а Жанна впервые за день рассмотрела ее под ярким светом потолочных ламп.

– На-та-аш, – протянула она и сделала круглые глаза, – вот сейчас ты меня тревожишь.

Гримаса на лице Натальи стала еще печальнее, уголки губ опустились скорбной скобочкой.

– Сама не знаю, как вышло, – пробормотала она. – Я в полной заднице.

– Да ладно! Вы же хотели с Мишаней! Ну подумаешь, чуть раньше, чем планировали...

– Так то с Мишаней...

Жанна беззвучно ахнула. Антон! Смазливый бортпроводник, с которым у Натальи в том памятном на приключения самарском рейсе случился внезапный роман. Ну как внезапный – Антон долго нарезал круги вокруг и около, пока не добился своего. Его настойчивости можно только позавидовать. Вот бы ей капельку. Может, давно бы уже определилась в своих отноше-

ниях с Камаевым. Бр-р-р! Опять этот второй пилот занял ее мысли. Вечно лезет без спросу, куда не просят.

– А ты уверена?

Наталья лишь плечами пожала.

– Ни в чем я не уверена, – понизив голос, ответила она. – Но есть вероятность, что это не от Мишани. И что мне теперь делать? Аборт? Муж не поймет. Тайком от него? А если узнает? Это точно развод. Сразу. Он у меня знаешь какой? Не ревнивый, нет, иначе не летала бы я так долго, а принципиальный. Мол, между нами не должно быть тайн. Это залог любви и все такое.

– А если ничего не делать? Оставить как есть?

– Ага! А на кого будет ребенок похож? Хорошо, если в меня, а если в Антона? Они же с Мишаней совсем разные. Совсем.

– Это если от Антона, а если все же от Миши?

– Да как я узнаю?! – Натальин голос сорвался на сип. – Вот всегда говорила, что от мужиков одни неприятности. Черт меня дернул с ним связаться. С Антохой. Просто бес попутал, не иначе! Хорошо тебе! Если в залете, то Камаев твой обязательно женится. Знаю таких – из одного чувства долга в ЗАГС потащит.

– Меня не надо в ЗАГС. И чувство долга тоже лишнее. – Жанна встала. Как-то чужие проблемы, да еще такие, перебили весь ужас этого длинного дня. – Домой пора. Не высыпаясь последнее время.

– Пора, – согласилась Наталья. – Мишаня уже вон сообщений ворох понаписал. Ждет. А я ему в глаза не могу смотреть. Верить?

Вопрос ответа не требовал. Жанна и не ответила. Помахала рукой на прощание и тоже пошла к выходу. Камаев летит сейчас где-то над средней полосой, в облаках, и знать не знает, какие тут страсти на земле разыгрываются. И Антон тоже где-то летит и тоже ничего не знает. Может, ей с ним поговорить? Нет, не о Наталье, упаси боже! О том, что случилось с Иловой Юрьевной. Антон за видимостью пошляка-юмориста скрывал неплохой логический ум. К тому же он с Жанной никак не связан. Просто коллеги. Спросить у него, что ли?

Она и спросила. Словно зверь на ловца, Антон вырулил на нее с чемоданчиком. Прилетел из Челябинска, выглядел сонным – все же разница в часовых поясах сказывалась.

Они сели в кафетерии, взяли по кофе и круассану. Антон даже не удивился, когда Жанна предложила посидеть. Потом по его наводящим вопросам стало понятно, что у него тоже был свой интерес.

– Тяжелый рейс? – Антон всыпал в кофе порцию сахара. – Болтанка?

Жанна провела рукой по лицу: стереть бы все ужасное, снова стать беззаботной и легкой, но жизнь уже навесила вериги на плечи – попробуй стряхни!

– Да так. Слушай, правда, что нас купили?

– Купили! – Антон фыркнул. – У них это называется слияние. Дружеское.

– Дружески схозячили. Ага! И что теперь?

Антон развел руками. Жанна чуть прищурилась, рассматривая молодого человека. Умен, красив (для кого как, конечно), выпендренчик, но не зазнайка. Несмотря на папу-начальника.

– Ты такой спокойный, потому что тебя папа по-любому пристроит?

– Фу! Как некрасиво – попрекать меня родителем. Да и не такой уж он большой начальник. Но да, знает куда подойти, кому что сказать. А что, протекция нужна?

Кофе выплеснулся на блюдце, Жанна подсунула под донце салфетку.

– Ну тебя! Сама как-нибудь. Тяжелый день просто. Скажи, вот как быть, если ты точно знаешь, что человек не покончил с собой, а его убили?

– О-о-о! – Антон выразительно выкатил глаза, опущенные густыми ресницами (обзавидоваться можно). – Даже спрашивать не буду, что и как, одно скажу: ментам на это пофиг.

Даже слушать тебя не станут. А что? Тебе снова захотелось поиграть в сыщицу? Мало тебе Самары и хоккеистов?

– Думаешь, бесполезно к ним идти? А как же улики?

– А чего ты сразу им не сказала? Так, мол, и так... – Тут Антон глянул на часы и сполз с высокого стула. – Так, все. Бегу. Ты на корпоратив-то едешь? – Видя недоумение на ее лице, Антон усмехнулся. – Жанет, ты, как всегда, витаешь в облаках. Вернись на землю – рейс окончен. В эти выходные у нас в загородном крутяцком отеле корпоратив. Официально для подведения итогов, неофициально – начальство хочет посмотреть сотрудников. Оценить, так сказать. Новое начальство. Там же и объявят о слиянии. Так что всем быть велено. За исключением тех, кто в небе. Или ты на корпоративе, или в небе. Или тебе скажут «прости-прощай».

– Да мне и так скажут «прощай».

– А не факт, не факт. Все. Ушел.

Жанна тоже пошла на выход, увлекая за собой синий форменный чемоданчик. Ей вдруг стало жалко этого чемоданчика и своей летной формы – синей с голубыми вставками и оранжевым шейным платочком. Вряд ли новое начальство сохранит их прежние цвета. Это если ее возьмут на работу, а не попросят вежливо (или не очень) на выход с вещами. В сумочке задребезжал зуммер. Кто-то звонил. Жанна подумала, но все же достала телефон.

– Жанна Викторовна? Малинин беспокоит. Зайдите ко мне. Надо поговорить.

От неожиданности Жанна выронила ручку чемодана, и тот грохнулся на пол.

– Анатолий Борисович, да я уже домой еду, – попыталась соврать она. – Может, в следующий раз или по телефону?

– Так, Румянцева! Ты еще даже не покинула здание аэропорта. Машина твоя на служебной стоянке стоит. Быстро ко мне!

Приказной тон начальника безопасности «Скайтранса» привел ее одновременно в состояние тихого бешенства и тревоги. Что ему нужно? Мало он крови у нее попил тогда в Самаре?

– Вы меня уволить хотите? Да и увольняйте!

Гори все синим пламенем! Жанна подняла чемодан и дерзко вскинула подбородок. Ну и увольняйте: пойду на железную дорогу проводником. Или на лайнеры. Там тоже бортпроводники нужны. Море ничуть не хуже неба...

Мечты прервал тихий смех Малинина.

– Жанна... Викторовна, очень прошу зайти. Уволить мы всегда успеем. Вы же знаете: у нас все быстро.

Глава 3

Анатолий Борисович Малинин, начальник службы безопасности «Скайтранса», вызывал у сотрудников вполне определенные чувства: отличный дядька, но лучше не встречаться. Спортивный, с некрасивым, но, что называется, хорошо сделанным «мужским» лицом, он, наверное, нравился женщинам. Должен был нравиться. Хотя...

– Жанна Викторовна!

Жанна моргнула и вернулась обратно, в этот мир, на землю, в кабинет Малинина. Почему-то она решила, что их разговор будет коротким, но Малинин предложил мягкое кресло, кофе, и она не смогла отказаться, несмотря на выпитый недавно в кафетерии капучино. По слухам, Малинин угощал каким-то элитным кофе редкого для России сорта. «Хоть кофе напьюсь перед увольнением», – с каким-то веселым отчаянием решила она, ни минуты не сомневаясь, что вызвали ее именно за этим. А для чего еще?

– Вы как? Способны воспринимать информацию? – спросил Малинин, поставив перед ней чашку с кофе.

От чашки исходил тонкий аромат, горький, с шоколадными нотками.

– Это божественно. – Жанна пригубила чуть-чуть, чтобы не обжечь небо. – Да, теперь я готова даже к самым неприятным новостям. Добивайте, Анатолий Борисович.

– Что ж вы меня за монстра держите? Я ведь вам ничего плохого до сих пор не сделал. И даже вроде закрыл глаза на ваши с Камаевым проделки в Самаре.

– И за это большой вам от нас рахмат, – Жанна отвесила поклон, прижав руку к сердцу.

Малинин укоризненно покачал головой, но не стал ничего говорить про дурной характер и плохое воспитание. Это они обсудили еще в Самаре.

– В эти выходные у нас состоится корпоратив в загородном отеле «Форесткамп». Очень надеюсь вас там увидеть. Доставка трансфером со служебной стоянки аэропорта в девять утра. Просьба не опаздывать.

Жанна чуть не поперхнулась кофе, который пила медленно, смакуя орехово-шоколадный привкус.

– Вы за этим меня позвали?

Малинин чуть развел руки, показывая недоумение: «А зачем еще?» Она посмотрела на чашку в руке – потратить на рядовую стюардессу время и несколько граммов божественных зерен, чтобы сообщить ей про корпоратив?

– Спасибо, – выдавила она, утихомиривая в голове тысячу мыслей, – но у меня рейс по расписанию как раз на эти дни. Увы. – Лицу она постаралась придать соответствующее огорченное выражение.

– Знаю. Потому и позвал. Расписание вам изменили. Вот новое, – он положил на стол распечатку графика. – На сайте тоже увидите.

– Зачем? – Вопрос вырвался раньше, чем она смогла сдержаться. – Ничего не понимаю.

– Просто хочется, чтобы вы попали на этот замечательный праздник нашей компании. Вы же работаете не первый год, на хорошем счету... – Малинин прервался, услышав ее громкое фырканье. – Да, понимаю вашу иронию. Но вы удивитесь, я действительно к вам хорошо отношусь. Просто не часто мне попадались женщины с логическим умом и сильным характером.

От таких комплиментов впору было растеряться и растаять. Пришлось вовремя вспомнить, кто это говорил и при каких обстоятельствах. Жанна потеряла переносицу: от усталости у нее начинала болеть голова.

– Мне пора отдыхать, через восемь часов у меня рейс...

– Конечно, – Малинин понимающе закивал. – Просто хочу убедиться, что вы все правильно поняли.

– Поняла что?

– Кажется, я поспешил с комплиментами вашему уму. Только не говорите, что не знаете о грядущих событиях в компании.

– Все знают этот секрет Полишинеля, просто не знают, кто нас купил, оттого и слухи всякие ходят. Нехорошие. Может, лучше всем рассказать, чтоб народ не дергался? Вы же понимаете, что от хорошего настроения экипажа зависит многое. Почти все.

– Опять вы пытаетесь учить меня, как правильно поступать. – Малинин сказал это с усмешкой, но глаза стали холодными. – Вы правы, сотрудники вправе знать, поэтому я очень рекомендую на корпоративе быть.

Жанна чуть нахмурилась.

– Вы что, там смотрины устраиваете? Новое начальство будет выбирать, кого взять, а кого пинком под зад?

– Жанна, Жанна... Ваш язык – ваш враг. Но вы и так знаете. Просто ответьте на один вопрос. Не мне. Себе. Вы хотите летать и дальше? Знаю, знаю. У вас сложные отношения с начальством и небезупречный послужной список. Но все решаемо. Если вы только захотите. А вы захотите. Вы же любите все это, – Малинин повел рукой вокруг, словно охватывая пространство аэропорта за стенами кабинета. Тут он увидел презрительный прищур ее глаз и негромко рассмеялся. – О да! Вы идете шаблонным путем: начальство просто так ничего не предлагает. Не бойтесь, душу продавать не потребуется.

Всяких там домогательств тоже не будет. Просто приезжайте. В конце концов, выбор останется за вами.

* * *

Вечер Жанна провела, просматривая новости, выискивая хоть что-то про труп на улице Козлова. Ничего стоящего не нашла. Видимо, мало кого интересовало самоубийство. Попутно размышляла над тем, что говорил Малинин. Все это выглядело очень странным. Поменяли ей график, настойчиво просили быть на корпоративе, зачем, спрашивается? Словам Малинина, что «душу продавать не потребуется», она не поверила ни на секунду. В одном он был прав: просто так никто ничего не дает.

Первым делом она подавила желание послать всех далеко и без прощания, но потом позвонил Ильяс, и она не решилась ему рассказать про беседу с Малининым. У того тоже были с безопасником непростые отношения, а зная Ильяса, можно было предположить его реакцию. Она лишь аккуратно спросила, едет ли он на корпоратив. Но Камаев сказал, что как раз на эти дни назначен в резерв, то есть его могли дернуть в рейс в любой момент, поэтому надо быть в зоне доступности. Жанне показалось, что Ильяс даже обрадовался такой своевременной отмазке от коллективного сборища коллег и начальства.

А вот она поедет. Решение пришло ночью, когда она по привычке вспомнила суслика. Ведь сказочка про суслика не только про ночные страхи, а про все вообще. Страх убивает душу. Она пойдет ему навстречу, как маленький трусливый суслик, и посмотрит ему в глаза. И, возможно, страх окажется просто тенью на стене. Или нет. Но хуже не будет.

Ехать со всеми на огромном автобусе Жанна не захотела: надо было сохранить мобильность и самостоятельность.

Навигатор показывал час езды до отеля с говорящим названием «Форесткамп». Сайт отеля обещал гостям номера люкс, высокую кухню, два бассейна с подогревом, спа-центр, теннисные корты, конные прогулки, катание на скутере и многое другое. Разглядывая яркие фотографии на сайте, Жанна вдруг реально захотела хоть на день забыть обо всем. Она уже представила себя в бассейне, а затем в шезлонге с бокалом чего-нибудь вкусно-алкогольного, и гори все синим пламенем.

Удачно миновав утренние субботние пробки, машина катила по Выборгскому шоссе. Из плеера негромко доносился французский шансон, навигатор показывал скорое окончание пути. Где-то тут надо было свернуть на дорогу к поселку на берегу озера, а там уже и до отеля недалеко. Попутных машин было мало. То ли она действительно рано выехала, то ли все решили ехать на автобусе, чтобы два дня не думать о похмельном выхлопе и транспортной полиции. Из динамика запела Мирей Матье. Жанна подпевала и в такт хлопала ладошкой по рулевому колесу. Сомнения все же никак не хотели оставить ее в покое, поэтому ехала она медленно, словно давая себе отсрочку от окончательного принятия решения, и только это спасло ее от столкновения. Наперерез машине выбежал человек, и Жанна, даже не успев толком испугаться, нажала на тормоза. От резкой остановки ее кинуло вперед и ремень сдавил грудную клетку.

Несостоявшийся самоубийца, вернее несостоявшаяся, потому что это оказалась женщина, стояла не шелохнувшись, в сантиметре от бампера, прижав к груди крепко сжатые кулачки. Вдруг она вздрогнула, подняла голову, уставилась на Жанну огромными глазами и прошептала одними губами, но Жанна поняла.

– Помогите!

Пришлось вылезти, а то бы женщина так и осталась стоять столбом на проезжей части.

– Что с вами?

– Оу! Меня хотят убить, – сказала женщина и робко пожала плечами, как бы извиняясь за такое неудобство.

Глава 4

Несколько секунд Жанне понадобилось, чтобы прийти в себя и постараться на самом деле не убить несчастную старуху. Хотя старухой она назвала ее зря, просто от злости. На женщине был брючный костюм веселенького розового цвета. Майка Веденеева непременно бы поправила: «Не розового, а лососевого». Голову прикрывала соломенная шляпка. Довершали костюм ажурные перчатки. На сильно загорелом лице четко проступали морщины, губы блестели коралловой помадой, а глаза... глаза были неожиданно молодыми, ярко-голубыми, без обычной старческой поволоки. Все это, а также легкий акцент выдавали в женщине иностранку.

– Мне прокололи колесо, – между тем жаловалась женщина. – Я торчу тут уже целый день, и никто, никто не может меня спасти.

На выяснения обстоятельств ушло немало времени. Мадам Николь, так она представилась, прибыла из Канады посмотреть перед смертью на родину предков, давным-давно покинувших Россию. Налюбовавшись красотами Санкт-Петербурга, она решила осмотреть глубинку, дабы удостовериться, что за парадным фасадом прячется неприглядная изнанка провинции. И ее ожидания оправдались: колесо спустило, а служба спасения не торопилась мчаться к ней на помощь.

– Оу! Вы понимаете, что это все подстроено, что меня хотят извести?

– У вас есть враги, которым выгодна ваша смерть? – спросила Жанна, обходя машину мадам Николь.

– Оу! Конечно! Ведь я потомок старинного дворянского рода. Ваша эта, кейджиби, всегда охотится за такими, как я.

Потом Жанна поняла, что вот это «оу!» сопровождает каждую фразу экстравагантной туристки. Переубеждать, что страшная в своем всемогуществе кейджиби вряд ли будет тратить силы на чокнутую старушеницу, она не стала. То, что старушеница чокнутая, Жанна поняла, когда попыталась выяснить, в какую службу спасения та звонила. Да, она звонила в канадскую службу спасения и очень возмущалась, когда ей сказали, что не смогут сию минуту прислать ей техпомощь. Чокнутая или нет, но мадам Николь арендовала для путешествия кроссовер «Пежо», и Жанна надеялась, что в багажнике найдется запасное колесо.

– Оу! Что вы хотите сделать? – мадам округлила глаза, когда Жанна натянула хлопчатые рабочие перчатки.

– Сейчас посмотрим, что тут у вас. Вы позволите?

В багажнике стояло два чемодана. Их пришлось вытащить, чтобы добраться до запаски. Помимо колеса под полочкой багажника имелся и баллончик для ремонта камеры, и трос веселенькой желтой расцветки. То есть автомобиль был готов к любым неожиданностям.

Через пятнадцать минут колесо было поменяно. Жанна вытащила из-под днища домкрат, убрала его в багажник, сняла перчатки и похвалила себя за хорошую работу. Не зря она училась все делать сама. Мадам Николь все время стояла рядом и болтала без умолку. Она овдовела десять лет назад, получила неплохую страховку за мужа. «Оу! Его сбили на мотоцикле», и с тех пор она жила в свое удовольствие. Про детей умолчала, из чего Жанна сделала вывод, что мадам бездетна или просто забыла про их наличие. Исходя из возраста мадам Николь, дети если и были, то уже давно покинули отчий дом.

– Советую заехать в мастерскую, – сказала Жанна на прощание. – Без запасного колеса по нашим дорогам ездить не стоит.

Мадам Николь выразила восхищение одними глазами, послала воздушный поцелуй и укатила, взрыкнув на прощание всей мощью лошадиных сил под капотом. Следом проехало несколько туристических автобусов, и, когда Жанна добралась до места и припарковалась, холл

оказался заполнен сотрудниками «Скайтранса». Всех она, конечно, не знала, но увидела среди них Лаврушина, Антона и Наталью и помахала им рукой.

Возле стойки регистрации была толпа людей, Жанна прошла в холл и присела на один из мягких диванов, с неудовольствием подумав, что, если бы не эксцентричная старушка, она бы приехала раньше всех, уже вселилась в номер и любовалась красотами из окна или с балкона.

На другом диване в тени ветвистого растения сидела молодая женщина и, как показалось Жанне, весьма интересовалась происходящим в холле. Вот в стеклянные раздвижные двери зашел мужчина, и женщина чуть подалась вперед. Жанна мысленно ахнула. Перед ней сидела бесподобная красавица. Ее можно было разглядывать часами, как произведение искусства. В какой-то мере женщина и была таким произведением: рукотворной красотой. Страшно было представить, сколько денег было вложено в эту фарфоровую кожу, точеный носик, огромные глаза, шелковистые волосы. Да и в губы... Хотя, возможно, это сама природа наделила их изящными изгибами и средней пухлостью. Женщина заметила пристальное внимание к своей персоне и в ответ так же пристально посмотрела на Жанну.

– Вы тоже «Скайтранс»? – спросила она с дружелюбной улыбкой, отчего ее лицо стало еще прекраснее.

Жанна кивнула, сглотнув враз пересохшим горлом.

– Стюра. А вы? – она ответила и спросила машинально и сразу пожалела, потому что собеседница явно хотела завязать разговор, а Жанна не представляла, как и о чем можно разговаривать с живым воплощением леонардовского золотого сечения.

– Да нет, я летаю только в мечтах, – женщина улыбнулась, прикрыв глаза. – Вы были тут раньше? Я нет. Даже не знала, что вокруг Петербурга столько прекрасных мест. Из-за этой пандемии и санкций, и всего прочего приходится осваивать нестандартные локации.

Жанна кивнула с деланным пониманием. Бедная красотка лишилась Ниццы и прочих фешенебельных мест и теперь страдает.

– А вы не знаете, это все, кто приехал на корпоратив, или еще будут?

– Может, кто-то еще и будет, но основная масса уже на месте. – Поддерживать ничего не значащий разговор было легко и позволяло не таясь рассматривать красотку. До чего ж хороша! Никакой женской зависти при этом не возникало – как не может возникнуть зависть к майскому закату или хрупкой бабочке. И только она успела подумать, кому же достался этот нежный цветок, как над их головами раздался бархатный голос:

– Ге-ля. Ге-ля!

Женщина, а именно ее, скорей всего, и звал обладатель голоса, распахнула глаза. Но прежде чем она обернулась, лицо ее сменило целую гамму чувств. От страха (если это был именно страх) до радостного удивления. Губы чуть приоткрылись, явив белоснежные зубы, на щеках заалел румянец.

– Гера! – она изящно встала и пошла навстречу мужчине.

Тот стоял, засунув руки в карманы брюк и чуть покачиваясь с пятки на носки. На нем был летний костюм из льна, замшевые мокасины, и вообще, выглядел он на миллион. О да! Они были достойной парой. Не считая того, что кавалер красотки Гели был явно ее старше. Жанна прикинула, что ему где-то сорок пять или около. Потом мужчина наклонил голову и клюнул Гелю в щеку, лицо его при этом попало под солнечный луч, который высветил резкие складки у губ и глубокую межбровную морщину в виде буквы V. Нет, решила она тут же – не сорок пять, а лет на десять больше.

Парочка уже удалялась, а Жанна все смотрела и смотрела им вслед. В уме ее крутились возможные события, соединившие этих людей. Воображение у нее всегда было богатым.

– Жанчик! – к ней подлетела Наталья и плюхнулась на диван. – Молодец, что приехала! А я уж думала, проигноришь. Слушай, давай возьмем номер вместе, а то поселят меня с кем-то

из этих, – она кивнула на группу девушек, что-то весело обсуждавших у стойки регистрации, – и я кого-нибудь придушу. Я что-то злая последнее время хожу.

Жанна не ответила, все еще провожая взглядом Гелю и Геру. Наталья посмотрела на объект ее наблюдений и присвистнула:

– Ого! Сам Герман Петрович нас почтил.

– Кто?

– А ты не узнала? Это же Клещевников. Сам. Биг босс. Большой начальник. Владелец заводов, газет, пароходов. А теперь еще и нас с тобой.

Сначала Жанна не поняла шутку Натальи. Стишок про мистера Твистера из детской книжки поняла, а остальное... Но потом до нее дошло. Это же совладелец «Глоубвинда», компании, к которой присоединяется «Скайтранс». Это из-за него Камаев лишился возможности летать на международных и статуса первого пилота. Не из-за него так-то, а из-за его жены. Как же ее звали-то? Ангелина? Геля!

Жанна прикусила губу. Бедный Ильяс! Бедный. Да и она, Жанна, тоже бедная. Куда ей тягаться с этой невероятной Гелей-Ангелиной? Наверное, никак. Он ведь до сих пор влюблен! Как она сразу не поняла, не разглядела эту рану? Идиотка! Надеялась на чудо.

Клещевников с женой удалялись в сторону лифта, за ними следовал накачанный парень в строгом костюме, неся в руках два портплекда с одеждой и портфель из кожи крокодила, чемоданы катил портье в зеленой униформе с логотипом отеля. Каблуки Ангелины отбивали по полу ритмичную дробь. Хорошее настроение у Жанны испарилось, как и не было. Зря поехала. Сидела бы дома и смотрела киношку. Чуткая Наталья заметила эту перемену и похлопала ее по коленке.

– Ладно, не кисни. Смотри, какое место отличное. Два дня свежего воздуха и покоя. Сосны кругом, озеро, спа-центр с баней и прочими радостями. У меня в планах хорошенько отдохнуть и расслабиться. И тебе советую. Ладно, сиди пока, пойду номер получу.

Она ушла к стойке регистрации и вклинилась в очередь за ключами от номеров. Сотрудники «Скайтранса», вернее, та часть, что не была в рейсах, тоже намеревались расслабиться и отдыхать, оглашая холл громкими голосами и смехом. Решив, что это надолго, Жанна вышла наружу. На нее сразу нахлынули запахи: сосны, озерной воды и тины, свежеструганного дерева, скошенной травы и кофе. Заварного кофе с нотками жженных зерен. И она пошла на запах, как осел за морковкой.

К главному корпусу примыкало здание ресторана, имевшее два входа, один прямо из холла, второй с улицы. Ресторан пустовал, за стойкой бара скучал бариста, натирая салфеткой ложечки. Жанна заказала капучино и прошла на открытую террасу, где стояли плетеные кресла и симпатичные круглые столики. Корабельные сосны чуть поскрипывали, качая игольчатými лапами, разбивая солнечные блики на скатертях. Между стволами деревьев висели гамаки, и ей очень захотелось присесть на один из них, и лучше не одной, а с Камаевым. Она бы могла пожалеть, что он не смог поехать, если бы не эта безумно красивая Ангелина. Нет, хорошо, что не смог. Кто-то там наверху ее любит все же. Повинуясь порыву, она набрала Ильясу сообщение:

«Привет. Как там?»

Ответ пришел быстро.

«Нормально. Вызвали в рейс. В Новосиб. В 13:20 стартуем. Как там у вас? Веселитесь?»

«Ну так. Местами. Здесь высокое начальство и, кажется, будут аресты»

«Хм. Вроде намечались праздники?»

«Решили совместить»

Камаев прислал смеющийся смайлик и вышел из сети. Видимо, уже рулил в аэропорт. Часы показывали половину первого. Можно было порадоваться, что Камаев точно не приедет и, значит, не встретится с Гелей-Ангелей. Жанна прислушалась к себе: она ревнует? Точно

ревнует? Это открытие ее порадовало. Значит, не совсем очерствела. Когда-то она решила, что душа ее не способна больше испытывать сильные эмоции. Но сначала это необъяснимое влечение ко второму пилоту, а потом и совершенно дурацкая влюбленность в него же, теперь еще и ревность до кучи. Жанна подперла щеки руками и поняла, что улыбается. Она так боялась любить! Любовь – всегда боль. Любимые люди уходят, оставляют после себя дыру с рваными краями: ни зашить, ни заштопать. Но именно боль доказывает, что ты еще жив. Не болит только мертвое.

Со стороны бара послышался шум. На террасу выплыло нечто в голубом. Голубое широкое платье, голубая шляпка с широкими полями, летящий шифоновый шарф, перчатки. Жанна с удивлением узнала мадам Николь. Та металась от столика к столику, а за ней покорно следовал официант с подносом в руках. Мадам Николь посмотрела на Жанну, рот ее раскрылся в изумлении.

– Оу! Спасительница моя! Как я рада вас видеть! Так, юноша, вот сюда, сюда! – она царственно махнула рукой, указывая на стол, где сидела Жанна. И лишь усевшись, спросила: – Вы же не возражаете? Нам так много надо обсудить, дорогая.

Возразить Жанна не посмела, да если бы и посмела, то вряд ли эксцентричная мадам приняла бы отказ.

– Какое счастье видеть вас здесь. Представляете, ни одного знакомого лица! Ни одного!

– А вы планировали здесь встречу с друзьями?

Мадам устала на нее и картинно выгнула брови.

– Ну какие друзья? Я не была в России лет тридцать. Никого здесь уже нет, никого.

– Сочувствую. А ваша семья осталась дома?

– Оу! Да. Мой муж теперь всегда дома. По крайней мере я точно знаю, где его искать.

Мадам Николь сказала это с усмешкой, и даже тень скорби не промелькнула на ее лице, а Жанна вспомнила, что та действительно упоминала, что муж ее умер.

– Простите. Соболезную.

Мадам Николь отмахнулась от слов сочувствия, как от мухи.

– Он был стар и немощен, со дня на день я ожидала от него какой-нибудь подлости в виде Паркинсона или Альцгеймера. Не представляю, как бы я справлялась с ним после. Он и в здравии не был покладист, а уж в болезни выпил бы из меня все соки. Но старость не спрашивает нашего согласия. Меня тоже периодически подводит память, это очень печально, когда ты не можешь запомнить даже четыре знака пин-кода от карты. К счастью, из всего есть выход, – мадам Николь подняла палец с лакированным ноготком. – Я читала, что самой последней забывается дата рождения. И вообще, мне пока грех жаловаться на судьбу. Наверное, это некрасиво звучит, но я даже благодарна тому мальчишке на байке, да и страховка компенсировала мне все годы мучений с этим тираном. Или, как сейчас говорят, абьюзером. Послушайте моего совета: не связывайтесь с красивыми мужчинами. Они эгоистичны и не дадут вам счастья.

Жанна лишь криво усмехнулась, а мадам посмотрела на нее понимающим взглядом.

– Простите старую женщину, – она положила ладонь на запястье Жанны. – Я была так невежлива там, на дороге. Даже не спросила ваше имя. Меня извиняет лишь стрессовая ситуация.

– Меня зовут Жанна.

– Оу! Прелестно! Ваши родители имели отношение к Франции?

Жанна помотала головой. Не рассказывать же про песню о стюардессе по имени... Но мадам Николь нахмурилась и вдруг тихонько напела:

– «Ангел мой неземной, ты повсюду со мной...» Оу! Кажется, была такая советская песня.

Песня как раз была уже не советской, но Жанна не стала уточнять, что ее написали в начале девяностых. Внезапно в ней проснулось любопытство.

– Простите за нескромный вопрос, а другие родственники у вас есть?

Мадам вскинула брови, посмотрела на Жанну, как бы говоря: «Да что вы себе позволяете, милочка!» – но потом зыркнула глазами по сторонам и приложила палец к губам.

– А не пойти ли нам в мои апартаменты? Я покажу вам семейные фотографии.

Голос ее стал нарочито громкий, одновременно с этим мадам вскочила, слишком резко для своего возраста, и схватила Жаннину руку сухими, но твердыми пальцами.

– Я... нет, мне надо...

Жанна еще пыталась увернуться от посещения «апартаментов», в душе понимая, что это безнадежно. «Почему все безумные старушки тянутся ко мне, как подсолнух к солнцу?» – подумала она, вспомнив вредную пенсионерку с первого этажа. Бабка ненавидела, казалось, весь мир, а вот Жанну привечала и даже пыталась позвать на чай. Вырваться из цепкого хвата мадам Николь сейчас, когда на них с любопытством уставился бармен, показалось неудобным.

– Вот что, юноша, – мадам Николь приподняла свободной рукой поля слегка сбившейся шляпы, – будьте добры, принесите в мой люкс два кофе с молоком. Молоко горячее. Сэндвич с тунцом. Тоже два. И... наверное, бутылочку «Просеко». Да.

Не дожидаясь его ответа, она двинулась дальше, Жанне пришлось следовать за ней: руку ее мадам так и не выпустила.

– Сейчас посидим и поговорим в спокойной обстановке. А то, знаете, в наше время надо очень и очень следить за теми, кто рядом.

– Вы думаете, бармен подслушивал?

Внезапно Жанну обуяло любопытство. Что-то было в этой пожилой женщине. Какая-то тайна. Что-то крылось за этим ее легким безумием. А тайны в последнее время окружали со всех сторон, и Жанна только сейчас осознала, что это ей нравится. Лучше уж копаться в чужих секретах, чем впадать в уныние собственной обыденности.

Глава 5

Номер люкс располагался на третьем этаже главного корпуса и оказался вполне уютным, без обычного пафосного интерьера, как можно было ожидать. Видимо, владелец отеля не поспешил на хорошего дизайнера. Просторная гостиная, спальня, гардеробная, небольшой барный уголок. Наверное, еще что-то было, но заглядывать по углам показалось нетактичным. Мадам Николь широким жестом предложила присесть на белый кожаный диван. Панорамные окна открывали прекрасный вид на озеро и лес на другой стороне. Мадам Николь распахнула раздвижную дверь, и Жанна увидела, что за ней есть небольшая открытая терраса, с ротанговой мебелью и подвесным креслом-яйцом. Она не удержалась и вышла наружу. Решетчатая стена отделяла террасу от такой же соседней, где располагался другой номер. Решетку густо обвивал искусственный плющ, Жанна немного отогнула его и заглянула в соседнее помещение. Там, впрочем, все было так же, плюс два шезлонга, на одном из них лежало махровое полотенце. Удовлетворив любопытство, она вернулась в гостиную.

– Сейчас принесут наше вино, и мы выпьем за знакомство, – заявила мадам.

Жанна не была столь оптимистична: бармен не выглядел расторопным. Но буквально через несколько минут в дверь постучали. Мадам Николь жестом попросила ее открыть дверь. Официант вкатил тележку на колесиках с двумя чашками кофе и тарелкой, накрытой металлическим куполом. Даже вазочка с одинокой розой имелась. Рядом с цветочком стояла бутылка с обернутым полотенцем горлом.

Мадам Николь указала рукой, куда поставить тележку. Официант взял бутылку обеими руками и показал этикетку сначала мадам, потом Жанне. Затем ловко откупорил ее каким-то хитрым приспособлением, лишь отдаленно напоминаяшим штопор. Вероятно, над его конструкцией трудился целый коллектив дизайнеров. Вино полилось по стенкам бокалов, Жанна усмехнулась про себя, что начинать день со спиртного – прямой путь к алкоголизму. Мадам Николь, не утруждая себя словами, коротким кивком отпустила официанта и, когда за ним закрылась дверь, заметила:

– Да, сервис в стране заметно улучшился. Это радует. Ну, давайте кутить! Кутить и общаться. Расскажите мне, вы тут с любовником?

Жанна, которая только что пригубила вино, чуть не подавилась.

– Простите, – она прокашлялась. – Нет, я тут с коллегами по работе.

– Да? А что, среди них нет вашего дружка? Такая молодая, красивая обязана иметь много дружков.

Сказав это, мадам Николь оставила на нее указательный палец. Жанна помотала головой.

– Моя работа не позволяет мне располагать таким количеством свободного времени. Мужчины не выдерживают такого графика, как у меня.

– А вы кто?..

– Стюардесса. В этом отеле у нас корпоратив. Через два часа начальство будет нас немного хвалить, а вечером много кормить и поить.

– О, вечеринка! Когда я работала, у нас тоже были такие *la soiree*⁷. Хотела бы я посмотреть на вашу. Много красивых мужчин и женщин. В России очень красивые стюардессы. У вас все еще придерживаются стандартов. Представьте, я летела из Канады со стюардессой, которая еле проходила между рядами. Кстати, я знаю, как решить вашу проблему с дружком: вокруг же наверняка много красивых пилотов. А! Вы покраснели! Неужели ваше сердце похитил какой-нибудь красавчик в летной форме? Не бойтесь поделиться со мной. Я как случайный попутчик: выйду на следующей станции и унесу ваши откровения с собой.

---

⁷ La soiree – вечеринка (фр.).

Жанна действительно покраснела от неожиданной пронизательности мадам, а потом поняла, что та права. Говорить с мадам Николь было вполне безопасно.

– Вы правы, мне нравится один летчик, но он, увы, видит во мне только друга.

– Так часто бывает. Вот такие отношения самые прочные. Когда из дружбы переходят в любовь. Вам нужно просто подтолкнуть его.

Жанна открыла рот, чтобы сказать, что Камаев не спешит покидать френдзону, толкай не толкай. Но тут до них донеслись голоса:

– Перестань! Умоляю. Ты сам этого хотел!

В голосе женщины было отчаяние. Мужчина отвечал ей рокочущим басом:

– Перестань? Да я еще и не начинал. Думаешь, я ничего не вижу? Да?

Крики стихли, словно люди ушли внутрь помещения. Жанна и мадам переглянулись. Показалось, что кричали с террасы.

– Оу! Это мои соседи, – мадам Николь скривила перламутровые губы. – Когда я вселялась, они тоже ругались. Я даже хотела сменить номер, но, увы, все оказалось занято. Вообще чудо, что в отеле оказался свободен хотя бы этот люкс. Расставшись с вами, дорогая, я, можно сказать, случайно выехала к этому чудесному месту. Я тут же решила здесь остановиться, не зная, что отель уже заполнен.

– То есть вы ехали, сами не зная куда?

– Ну, я люблю путешествовать. К тому же у меня есть навигатор. Нет, жизнь стала намного удобнее и проще. И не возражайте. Это вашему поколению кажется, что удобства были всегда, а я прекрасно помню... – Мадам Николь не договорила и рассмеялась. – Ну вот, чуть было не начала ворчать. Стариковские привычки приходят сами собой так незаметно, что не уследишь. Вы меня поправляйте, если я опять начну.

Голоса раздались снова. Женщина вскрикивала, мужчина что-то бурчал. Потом раздался странный звук, похожий на хлопок ладонями или... на пощечину.

– Боже мой, – сказала мадам, – он еще и дерется. Никогда не понимала женщин, живущих с тиранами.

Жанна лишь усмехнулась. Еще недавно она сама была, как сейчас принято говорить, в токсичных отношениях. Но у нее хватило смелости понять это и решительности прекратить. Ведь очень трудно посмотреть на своего партнера, да и на себя, объективно, без вот этих мечтаний о том, что вот-вот все наладится.

– И скорей всего, – не унималась мадам, – на публике они производят впечатление благополучной пары. А вы знаете, как понять, что человек что-то скрывает?

Жанна сделала заинтересованный вид.

– Он будет всячески избегать травмирующей темы. Заговорите с такой женщиной о домашнем насилии и увидите, как она начнет прятать глаза и всячески уводить разговор в сторону.

Но тут у Жанны запиликал телефон. Звонила Наталья, которая уже получила ключи и не могла понять, куда делась подруга. Пришлось извиниться перед мадам и откланяться. Мадам Николь понимающе улыбнулась.

– Идите, дорогая, надеюсь, у нас еще будет время пообщаться.

Со стороны террасы снова донеслись звуки ссоры, потом женские всхлипывания.

– Закройте дверь, дорогая, – мадам Николь кивнула на террасу. – Это ужасно. Просто ужасно.

Жанна прикрыла дверь и быстро спустилась в холл, где никого уже не осталось, лишь Наталья с недовольным видом постукивала пяткой по полу. Жанна виновато улыбнулась, подхватила чемодан и вышла вслед за Натальей под яркое солнце. Конец августа баловал беспечных граждан, так быстро забывших об изменчивой питерской погоде.

– Ты смотри, какая территория! – Наталья почти сразу перестала дуться и повеселела. – И все номера сняли для «Скайтранса». Начальство что-то не на шутку разошлось. В прошлом году гораздо скромнее все было. Помнишь? Ах да! Тебя же не было. Ну и ничего не потеряла. Посидели в ресторане, потанцевали – и по домам. А тут прям красота. Девчонки вон по два чемодана набрали, чтобы днем на фуршет в одном, вечером в другом. Думаю, будет парад брендов. Надеюсь, ты взяла вечернее платье? – она выразительно посмотрела на не очень-то и большой чемодан подруги.

Платье, заботливо уложенное в чехол, конечно, было взято, как и спортивный костюм, купальник и пижама. Понятно, что торжественной части не избежать, но никто не помешает ей в оставшееся время наслаждаться природой, раз уж выпала такая удача халявного отдыха.

По всей территории отеля разбежались мощенные плиткой дорожки. Главный корпус из трех этажей стоял в наиболее выигрышном месте. Верхние этажи голубели панорамными окнами, крытая галерея вела к примыкающему к отелю бассейну и спа-центру. Еще один бассейн под стеклянным куполом находился с обратной стороны здания. По периметру выстроились ряды двухэтажных коттеджей на четыре номера каждый. К одному такому они сейчас и направлялись.

В номере оказались две спальни, общая гостиная, кухонный уголок.

– Хоромы просто, – сделала вывод Наталья. – Отдельные комнаты. Удобно. Вдруг чего... – при этом она так выразительно подмигнула, стараясь вложить в это замечание непристойный смысл.

Жанна лишь криво улыбнулась. Увы. Никакого вдруг не предвиделось. Летчик ее улетел и обещал вернуться. К кому только – вот вопрос.

Потом она ненадолго отвлеклась распаковкой чемодана. Вечернее платье нашло временное пристанище в шкафу. Жанна прошла в ванную комнату, поразились ее размерами и всякими приспособлениями для наведения красоты. До заявленного торжественного фуршета еще было время, можно было бы прогуляться. Жанна вытащила синий брючный костюм с кремовым топом, хотела положить его на диван, но там мешалась странная композиция из скрученного полотенца. Мода, пришедшая с иностранных курортов, докатилась до России. Возможно, это был лебедь или еще какая птица, Жанна так и не поняла, потому что прямо перед мордой странного полотенчатого существа лежало еще кое-что, и от этого у нее в груди ёкнуло сердце, потом оборвалось и покатилось сквозь диафрагму, через желудок вниз-вниз-вниз.

Глава 6

Белый конверт без марок и адреса. Ноздри Жанны непроизвольно раздулись, пальцы стиснулись в кулаки, до боли пронзая кожу ногтями. Сначала она решила выбросить, даже не открывая. Хватит играть по его правилам. Таинственный псих явно наслаждался, втягивая ее в свой бред. А она не будет. Просто не будет, и все. Суть этих посланий была неясна. Чего он добивался? Запугивал? Предупреждал? Вот возьмет, да и не откроет этот конверт. Но потом она вспомнила Илону и предсмертную записку с рисунком самолета. Может ли она как-то быть связана с этим человеком? Может, в конверте вовсе не рисунок, а что другое? Она решительно схватила конверт и лишь потом подумала: «А как он попал сюда?»

Никто не входил в номер. Или входил, пока она была в ванной? Значит, у него есть ключи? Голова тут же откликнулась на эту невозможную кучу вопросов сверлящей болью в висках.

Напрасно она надеялась на чудо: в конверте был именно рисунок. Самолет летел среди облаков, в боку зияла дыра и вырывалось пламя. Несмотря на примитивность техники, суть послания была предельно ясна. Самолет взорван, и лететь ему осталось считанные минуты. Стандартный лист писчей бумаги желтоватого цвета. Тут тоже все как и раньше. Но нет. В послании было нечто, чего Жанна сперва не заметила. На обратной стороне листа оказалось еще что-то. Сначала она даже не поверила своим глазам. Но да, там был приклеен кусочек бумаги с характерным рисунком кьюар-кода.

Она навела экран смартфона на пиксельный квадратик, пошла загрузка. Ссылка вела на чат в соцсети Телеграм. Ей предлагалось вступить. «Вот будет смешно, если это какой-то канал знакомств или свинг-вечеринок», – подумала она и нажала кнопку «подписаться».

А дальше... дальше ничего не произошло. Чат оставался пустым. Жанна потеряла ноющий висок и отложила телефон. Она знала, что нужно делать. Нужно вычислить этого мерзавца, вытащить на свет божий, посмотреть в глаза и кое о чем спросить. Строго спросить.

Со стороны входной двери раздался стук, послышались голоса. Жанна вышла в гостиную и увидела Антона, как всегда, с улыбкой на лице. Почему-то эта веселость сейчас показалась ей отвратительной.

– Ну что? Пойдемте осматривать территорию? Как насчет поплавать в бассейне?

Наталья делала Жанне какие-то знаки глазами, но она так и не поняла какие.

– Какое поплавать? – буркнула она. – У нас фуршет в час.

– Правильно, еще целых два часа, – Антон показал часы на руке.

Жанна машинально посмотрела на свои, поправила браслет, он вечно расстегивался, давно надо было отдать его в ремонт. Она провела пальцем по стеклу циферблата. Часы достались от Тани. Единственная вещь, которую она попросила у родственников в день похорон. На память.

– Ну уж нет, – Наталья поправила волосы, – мочить голову не собираюсь. Может, позже.

– Тогда просто погуляем, – покорно согласился Антон и чуть ли не силой вытащил Наталью из номера.

Идти за ними Жанна не стала, пусть сами разбираются в своих сложных отношениях, жаль только, что не успела спросить у Натальи про конверт. Может, она видела, кто его принес? Да нет, она бы сразу замучила расспросами – что, как и от кого. Но спросить все же стоило.

Чат в «телеге» оставался пустым. Пока Жанна одевалась и приводила себя в порядок, то и дело смотрела на экран смартфона. Неизвестность нервировала. Уж лучше бы написал что-то, пусть гадость какую-то, лишь бы не вот это затянувшееся молчание. Потом она подумала, что, может, его целью как раз и было вывести ее из себя, заставить дергаться. Или он еще не знает, что она подписалась на его чат. Так, этот мессенджер регистрируется на телефонный

номер. Вряд ли псих указал там свое настоящее имя, но все равно надо посмотреть. Она ввела номер телефона в специальное приложение «Кто звонил». Программа выдала список названий каких-то организаций. Конечно же, вряд ли псих покупал номер на свой паспорт. Не исключено, что он у него с тех старых времен, когда сим-карты продавали вообще без всяких документов.

Она вспомнила все случаи, когда ей подбрасывали конверт. Первый раз она нашла его в почтовом ящике своего дома перед рейсом в Самару с хоккеистами. Второй конверт появился в Самаре – также лежал на кровати в номере. Третий вручила Наталья в самолете на обратном пути, сказав, что его передал администратор отеля. Первый рисунок был на желтоватой писчей бумаге, второй и третий на бумаге с логотипом отеля (там, в холле, имелась стойка с бумагой и конвертами). Тот, кто рисовал самолетики, воспользовался тем, что было под рукой. Нынешнее четвертое послание было на такой же, как и первый рисунок, бумаге. Тонкой, предназначенной для письма или рисования.

На сайтах фирм, торгующих канцеляркой, нашлись аналогичные образцы. Значит, не такая уж это и редкость. Псих, а именно так она стала называть его для себя, знал о ее перемещениях, домашний адрес и даже вот про корпоратив. Вывод был очевиден, но крайне неприятен. Это кто-то из компании, кто-то из тех, кто знает ее близко. Кто-то, кто знает про аварию три года назад, про смерть Тани и про все остальное. И это мог быть кто угодно. Вот хоть Малинин, например. Жанна представила безопасника, карябающего рисунок самолета, и невольно улыбнулась. Ему зачем? Золотое правило любого расследования – ищи, кому выгодно. А какая выгода Малинину свести ее с ума? Или какая еще цель была у этих посланий?

Жанна оделась, мазнула по губам помадой и посчитала, что для фуршета вполне сойдет. На улице ее поразила тишина: не рычали моторы, не играла музыка, лишь откуда-то доносилось щебетание то ли сороки, то ли еще какой птахи. На самом деле хорошее место для решения всяких загадок. Она медленно шла от сосны к сосне, трогая чуть шершавые стволы ладонью. И все же кто из сослуживцев мог оказаться этим психом? Мысленно Жанна начала перебирать всех, прикидывая, чем могла насолить каждому, и не смогла прийти ни к какому выводу. Или она просто думала о них лучше, чем они заслуживали. Пожалуй, надо составить список всех, кто попадал под подозрение. Наталью, наверное, можно исключить. Или нет? Как же ей не хватает кого-то рядом, кого-то, с кем можно поделиться мыслями, а главное, разделить страхи. Нет, она не то чтобы боялась, но знать, что где-то поблизости кругами бродит неизвестный псих, вряд ли присылающий ей эти письма с добрыми намерениями, было неприятно. Крайне неприятно. Впервые она почувствовала, как ей нужен Камаев. Ордынец. Он бы в два счета развеял ее страхи. Так же, как тогда, когда она решила показать ему письма. Он не стал пренебрежительно отмахиваться, как она опасалась, а воспринял все очень серьезно.

– Если он это делает, значит, зачем-то ему это нужно. Когда мы поймем зачем, мы его вычислим.

Ей тогда так понравилось это «мы», что от радости она забыла обо всем. Она даже на краткий миг испытала благодарность к этому неизвестному: ведь благодаря ему Камаев ясно дал понять, что готов ее защищать. А зачем защищать то, что тебе не дорого? Во-о-от. Значит, она ему не безразлична. Но так как писем больше не было, она, глупая, расслабилась, решила, что все закончилось. Не-ет. Все только начиналось.

Ей определенно хотелось куда-то присесть и обдумать все мысли, которые у нее появились. Прямо на пути был стеклянный павильон, за его стеклянными стенами виднелись шезлонги – то, что нужно. Жанна поднялась по ступенькам, толкнула дверь и оказалась в просторном помещении, не сразу поняв, что это бассейн. Прямоугольная чаша двадцати пяти метров в длину, заполненная водой, гулкое эхо от кафельных стен, слабый запах дезинфекции, шезлонги, раскидистые пальмы и монстры в кадках. На первый взгляд бассейн казался пустым,

и, лишь подойдя ближе к краю, Жанна увидела, что там кто-то есть. Мужчина лежал в воде, раскинув руки в стороны, лежал неподвижно и, главное, лицом вниз.

Глава 7

– Эй! – позвала Жанна негромко, потом опомнилась и крикнула: – Вам плохо? Эй!

Мужчина не пошевелился, вода оставалась неподвижной, безмятежно голубой от цветного кафеля на дне и подсветки по бортикам.

– Черт! – Жанна бросила сумку на ближайший шезлонг, подбежала к краю бассейна, встала на колени, потянулась к мужчине, но не достала. – Черт!

Время стремительно утекало, а может, его и не было вовсе. И тогда она спустила ноги в воду и сползла вниз. Здесь оказалось глубоко, и она ушла в воду с головой. Вынырнула, в два взмаха добралась до утопленника и попыталась перевернуть его на спину. Тяжелый, он выскальзывал из рук.

– Помогите! – заорала она, надеясь, что хоть кто-нибудь услышит.

Руку дернуло, а потом зажало в тиски. От неожиданности она рванулась, хлебнула воды и закашлялась.

Утопленник, вернее, уже не утопленник, одной рукой держал ее, а второй утирал лицо и моргал глазами.

– Ты кто? – спросил он.

– Пустите! – она запаниковала и забилась в воде. – Что за дурацкие шутки!

Мужчина, все еще не отпуская ее, посмотрел на часы на запястье.

– Девушка, вы мне испортили рекорд. Я шел на две минуты.

– Идите вы! – огрызнулась она, выдернула руку и погребла к лестнице.

Пока она тяжело поднималась по ступенькам, вся облепленная мокрой одеждой, мужчина подплыл к бортику, подтянулся и ловко выбрался из воды.

Жанна смотрела на костюм, мокрые босоножки (итальянские, их было особенно жаль) и тихо закипала. Злость ее не касалась идиота, который решил поиграть в утопленника, а была направлена на себя: кто просил ее играть в спасателей Малибу? Позвала бы персонал отеля и пошла по своим делам. Нет, ей надо было нырнуть. Какой-то ужасный, ужасный день.

Мужчина приблизился и протянул ей полотенце. Она помедлила и взяла. Смотреть на него она не решалась: ей было неловко за свой нелепый поступок.

– А вы... молодец, – сказал мужчина. – Я даже удивился. А меня мало что может удивить.

Она скосила глаза, не переставая вытирать волосы. Лет тридцати с хвостиком, светлые волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу, сухая, жилистая фигура. Лицо... лицо как лицо. Прямой нос, светлые глаза. Ну, это понятно. Блондин же. Она отвернулась.

– Извините, – сказал он. – Давайте поднимемся ко мне в номер, обсохнете...

Она хмыкнула и отбросила полотенце.

– Вы что, прямо мокрой и пойдете по улице? – удивился он.

– Нет, конечно, все сниму и так, голышом, двину, – отрезала она и повернулась уходить.

– Ну не сердитесь. Я же не знал, что вы решите меня спасти. Если честно, я впечатлен.

– Да ну вас. Испортила из-за вас хороший костюм и приличные туфли. А вы, оказывается, развлекались.

Жанна скинула пиджак и тут же пожалела. Мокрый топ явственно обрисовал грудь. Она прижала пиджак к себе. Идти в мокрых босоножках значило испортить их, да и ноги тоже. Она присела на шезлонг и завозилась с застежками.

– Возьмите, – мужчина протянул ей белый махровый халат с логотипом отеля.

Надо было бы гордо отказаться, но идти в таком виде по улице и правда не стоило. Она накинула халат и вышла из бассейна, неся в руках капающий водой пиджак и мокрую обувь. Шлепая босыми ногами по дорожке, она вдруг рассмеялась. Комичность ситуации только сейчас дошла до нее. Кинулась в воду спасти незнакомца!

* * *

В номере на ее удачу никого не было, а то бы пришлось рассказывать про мнимого утопленника. Она повесила мокрую одежду на балконе и быстро залезла в душ. Пришлось вымыть волосы, иначе ей бы все время казалось, что они пахнут хлоркой, или чем там сейчас обеззараживают воду в бассейнах. Фен в отеле оказался слабеньким, решив, что ветер и солнце справятся быстрее, Жанна выключила гудящий аппарат.

В шкафу одиноко висело вечернее платье, идти в нем на фуршет было бы глупо. Что ж, тогда любимые итальянские брюки и белая блузка – беспроегрешный вариант. Глаза после ныряния в бассейн слезились, пришлось закапать их специальными каплями, которые она всегда возила с собой. О туши не могло быть и речи: еще не хватало плакать черными слезами, немного блеска для губ – и хватит. Вроде все, можно не спеша прогуляться и подумать.

До начала фуршета оставалось полчаса, когда Жанна вышла на улицу. Корпуса и коттеджи связывали мощенные плиткой дорожки, а вот среди деревьев вился деревянный настил, приводя то к сферической беседке с мягкими сидухами, то к месту для пикника. Сосны, чьи корни гибкими щупальцами извивались под слоем песка и хвои, расступились, открыв берег и широкий пирс. По обеим сторонам его покачивались лодки и водные велосипеды. Жанна с любопытством осмотрела конструкцию из двух длинных сигарообразных поплавков и двойного сиденья посередине. Надо будет попробовать прокатиться, что ли. Снова захотелось, чтобы рядом шел Ильяс. Они бы плюнули на фуршет и укатили вон туда. Жанна приставила ладонь козырьком ко лбу и посмотрела на небольшой островок, весь заросший камышом. Серые метелки мерно покачивались, и Жанне даже показалось, что она слышит шуршание. Метрах в двадцати от пирса возвышался сарай. Одну стенку его густо покрывали поставленные на попа лодки. Рядом на берегу скучал катер. На песке чернел брезентовый квадрат, на нем тускло блестели какие-то металлические детали.

Жанна еще раз посмотрела на озеро. Довольно большое, с восточной стороны из него вытекала речушка, к западной же части густо примыкал лес. Темно-зеленая стена не давала рассмотреть что-то более подробно. Деревянная тропка не обрывалась у берега, а шла дальше, мимо сарая с лодками, и Жанна пошла по ней, стараясь не думать ни о психе, ни о рисунках. Метрах в пяти от тропинки стоял конусообразный шалаш из жердей, крытых еловым лапником. Небольшая табличка гласила, что это место для курения. Жанна свернула с настила и заглянула внутрь. Там стояли деревянный стол с массивной каменной пепельницей и деревянная лавка по периметру. На одной из лавок сидела Наталья. Она мрачно посмотрела на Жанну и дернула плечом.

– От Антохи прячусь, – ответила на незаданный вопрос. – Он меня к себе зазывал. Представь, у него отдельный номер в главном корпусе. Подсуетился, представляешь?

– Круто.

– Чего крутого-то? Представь, кто-то из наших увидит, как я с ним в номер иду? Мишане же доложат. У нас куча общих знакомых. А Антон словно не понимает ничего! Я ему прямым текстом говорю, а он делает вид, что все нормально. Вот какие же мужики все эгоисты!

– И что, так и будешь от него все выходные прятаться?

– Вот еще! – хмыкнула Наталья. – Просто не хочу отношения выяснять. Не люблю, знаешь. Мне Мишани хватает. – Она глянула на часы. – Ой, идти пора. Подожди, сейчас губы подкрашу.

Поняв, что реставрация макияжа может затянуться, Жанна села на лавку и подпихнула под спину подушку, благо тут их тоже имелось в достатке. Вообще, продуманный дизайн у этого загородного отеля, есть и блага цивилизации, и вот такие уютные местечки для уеди-

нения. У стены под ворохом подушек Жанна заметила чью-то свернутую и забытую одежду, кто-то неплохо уединился, видать.

– Везет же вам, брюнеткам, – сказала Наталья, смотрясь в круглое зеркальце. – Можете вообще не краситься. У тебя еще и глаза синие. Всегда немного завидовала, если честно. И вообще, сначала думала, что ты та еще штучка. Ну, когда ты к нам в компанию пришла. Но внешность иногда обманчива, согласна. Только без обид. – Она пальцем подправила нарисованную под глазом стрелку.

Такие откровения были не в духе Натальи, и Жанна вспомнила мадам Николь. Что она там говорила про избегание травмирующих бесед? Что ж, надо попробовать.

– Надо же, как бывает, а я ведь тоже к вам приглядывалась, ко всем. Даже к психотерапевту ходила. У меня была стрессовая ситуация из-за парня, я вообще не знала, как строить отношения на новой работе.

– И как? Помогла? Я тоже одно время все хотела к психологу сходить, но мой отговаривал постоянно. Для него все эти врачи с приставкой «психо» просто шарлатаны.

– Ты? – удивительно было слышать это от такой вечно спокойной и рассудительной Натальи. – А с чем?

– Да со всем! Мне казалось, что жизнь зря проходит. Надо было рожать сразу, а Мишане все хотелось дом обустроить. И я, знаешь, смирилась. Решила, что так, наверное, и правильно будет. А сейчас даже не знаю, как быть. А у тебя контакта этого психолога не осталось? К проверенному специалисту как-то спокойнее идти.

Что ж, судя по всему, Наталья не знала про Илону Юрьевну, но могла и искусно притворяться. Да нет, Наталья хоть и себе на уме девушка, но в тонкие игры не умеет. Можно пока вычеркнуть ее из списка подозреваемых.

Со стороны озера послышался плеск, что-то плыло по воде, издавая размеренное бульканье. Сквозь щели шалаша можно было разглядеть водный велосипед, направлявшийся к берегу, ветер принес обрывки слов, два голоса: мужской что-то бубнил, женский звонко смеялся. Жанна позавидовала: кто-то сейчас исполнял ее мечту – плыл по озеру со своим мужчиной. Или не со своим. Наталья щелчком захлопнула пудреницу и встала, кивнув Жанне на выход. До фуршета осталось пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.